

DOI: 10.17516/1997–1370–0747
УДК 342.31, 342.384.2, 342.413

«Homo Dignus», the Legal Status of the Individual and Modern Constitutionalism (Russian, Comparative and International Context)

Igor A. Kravets*

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Received 26.02.2020, received in revised form 15.04.2021, accepted 30.04.2021

Abstract. The article analyzes homo dignus («a worthy person») as a theoretical, constitutional and legal concept; secular and theological approaches to understanding human dignity, differences between the Roman concept of «dignitas» and the theological concept of «image of God» («imago Dei»); the problem of constitutional-legal and wider legal regulation of human dignity in the domestic and international context is investigated. The author notes that the legal concept of an individual interacts with the legal concept of human dignity and the forms of their interaction are diverse. 1) The dignity of the individual is the legal basis for the structure and elements of the legal status of man and citizen; 2) a person possesses dignity in the case of his full legal capacity, and in the case of limited or lost legal capacity; 3) the dignity is possessed by a person who can have various relations with the state: a stateless person, a citizen, a bipatriote or a polypatriote, an alien in the territory of the state; 4) the idea of dignity and the idea of equality, combining in the field of law, stimulate the generation of a new paradigmatic thinking in the form of equal dignity. This article substantiates the concept of «constitutionalism of human dignity» from the standpoint of the Russian, comparative and international context. The article uses methods of discursive and comparative legal analysis, the method of constitutional design, specific historical and formal legal methods of analysis. It is concluded that a complex constitutional legal institution of the personhood dignity has been gradually forming in Russia. This institution is a constitutional and legal innovation in the structure of the foundations of the legal status of a person and citizen.

Keywords: homo dignus; human dignity; right to dignity; constitutionalism; legal concept of man; equal dignity; constitutional status of the person.

The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 18–011–00761 A.

Research area: law.

Citation: Kravets, I.A. (2021). «Homo dignus», the legal status of individual and modern constitutionalism (Russian, comparative and international context). J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 14(5), 621–635. DOI: 10.17516/1997–1370–0747.

«Homo dignus», правовое положение личности и современный конституционализм (российский, сравнительный и международный контекст)

И.А. Кравец

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
Российская Федерация, Новосибирск*

Аннотация. В статье анализируется homo dignus («человек достойный») как теоретический, конституционный и правовой концепт, светский и теологический подходы к пониманию человеческого достоинства, отличия римского понятия «dignitas» от теологического концепта «образ Бога» («imago Dei»), исследуется проблема конституционно-правового и шире юридического оформления человеческого достоинства в отечественном и международном контексте. Автор отмечает, что правовая концепция личности взаимодействует с правовой концепцией человеческого достоинства и формы их взаимодействия разнообразны. 1) Достоинство личности выступает юридическим основанием для структуры и элементов правового положения человека и гражданина; 2) достоинством обладает личность и в случае ее полной дееспособности, и в случае ограниченной или утраченной дееспособности; 3) достоинством обладает человек, который может иметь различные отношения с государством: быть апатридом, гражданином, бипатридом или полипатридом, иностранцем на территории государства; 4) идея достоинства и идея равенства, соединяясь в области права, стимулируют генерирование нового парадигмального мышления в форме равного достоинства. Эта статья обосновывает концепцию «конституционализм человеческого достоинства» с позиций российского, сравнительного и международного контекста. В статье используются методы дискурсивного и сравнительно-правового анализа, метод конституционного проектирования, конкретно-исторический и формально-юридический методы анализа. Вывод: в современной России постепенно формируется комплексный конституционно-правовой институт достоинства личности. Этот институт – конституционно-правовая новация в структуре основ правового статуса человека и гражданина в РФ.

Ключевые слова: homo dignus, человеческое достоинство, конституционализм, право на достоинство, imago Dei, правовая концепция личности, конституционный статус личности, равное достоинство.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 18–011–00761 А).

Научная специальность: 12.00.00 – юридические науки.

**Введение и концептуальные основы –
«человек достойный» («homo dignus»)
в конституционном измерении:
правовая концепция личности
и человеческое достоинство**

Достоинство означает ценность в каком-то «абсолютном», автономизированном и объективированном, как бы особенном смысле (Kolnai, 1976: 251). Атрибутивность достоинства объективируется нормами международного и внутригосударственного права. Конституционное право и право в области прав человека занимают центральное положение в современных демократических государствах, поэтому статус достоинства, отраженный в нормах конституций и системах современного конституционализма, претендует на значение ведущей конституционной ценности и конституционного ориентира для других отраслей права и для практики конституционного правосудия. Как понятие «достоинство» имеет высокую общественную значимость и откликается на запросы времени. В частности, высказывание Ф. Фукуямы, содержащееся в статье «Дорога для достоинства» как редакционном комментарии к «арабской весне», опубликованном в журнале «Foreign Policy», характерный пример такого отклика. Он пишет: «Основным вопросом было достоинство или его отсутствие, чувство достоинства или самоуважения, которое все мы ищем». Это высказывание Ф. Фукуямы (Fukuyama, 2012).

Homo sapiens, homo ludens, homo deus, homo dignus – концепты, которые отражают эволюцию человека и его сознания, концептуализируют осознание места человека среди других живых существ и в мире в целом. Homo economicus, legalis-homo уже более ориентированные на профессиональные, мировоззренческие или статусные позиции характеристики современного человека. Соединение эмоций, интеллекта и различных способностей, их развитие в процессе человеческой деятельности приводят к пониманию отличительной особенности человеческой личности, а именно обладание достоинством как способности и дара,

которым должно дорожить во взаимодействии с окружающим миром и живыми существами. Человек достойный (homo dignus) – несомненный атрибут гуманизма и современности, которая апеллирует в философском и этическом значении к гуманитарной экзистенции человечества, к моральным и личностным качествам человека. Величайшая заслуга Мирандолы в том, что он акцентировал свою позицию на понимании достоинства человека одновременно как божественном даре и самоворении человеческих качеств в результате саморазвития в обществе; такое саморазвитие является продолжением божественного творения (Piko dela Miranda, 1962). Теологическая интерпретация достоинства («по образу Бога», imago Dei), характерная для отцов церкви (святой Августин) и яркой речи Дж. Пико дела Мирандолы, отличается от понимания его стоиками, особенно Цицероном, который связывал римское «dignitas» с почетным авторитетом и статусом лица. В труде «De Inventione», не переведенном на русский язык, Цицерон писал, что «dignitas est alicuius honesta et cultu et honore verecundia digna auctoritas» («достоинство есть почетный авторитет того, кто достоин поклонения, чести и почтения») (Cicero M. Tullius). В современных исследованиях человеческого достоинства (в юриспруденции, философии, медицине, биоэтике) преобладает светский, секуляризированный, а не теологический подход; вместе с тем концепт «образ Бога» («imago Dei») принимает активное участие в религиозных и светских дискуссиях и, по мнению исследователей (таких как Andrew Lustig), религиозное понимание темы имиджа / подобия как основы для претензий на достоинство дополняет или корректирует светские описания достоинства (Lustig, 2017: 317–318).

Современное право (в частности, универсальное международное) и российское конституционное право стремятся секуляризировать человеческое достоинство, сохраняя «божью искру» в природе человека. Понятие достоинства в современную эпоху раскрывает неразрывную связь с понятием

человеческой личности. Как отмечает профессор международного права О. Шехтер, «идея человеческого достоинства включает в себя сложное понятие личности», такое понятие «включает признание отдельной индивидуальной личности, отражающей индивидуальную автономию и ответственность» (Schachter, 1983: 850–851). Достоинство также может быть личностной характеристикой, которую люди обычно имеют в разной степени и могут индивидуально проявлять в разной степени в определенных случаях. Обычно достойный человек может иногда вести себя недостойно. В этом смысле достоинство обычно рассматривается как функция состояния человека и его поведения (Hartogh, 2014: 201). Идея «человеческого достоинства» пользуется выдающимся статусом в отечественных конституциях и в международном праве прав человека. Парадокс человеческого достоинства как символа заключается в том, что при широко и весьма разнообразном его использовании в качестве универсальной основы прав человека оно «неловко сочетается с отсутствием точного определения»; оно «не имеет конкретного значения или последовательного определения» (Lee, 2008: 1). Правовая концепция личности предполагает осмысление правовых форм закрепления человеческого достоинства, а также место такого достоинства в структуре как правового положения личности в целом, так и конституционного статуса человека и гражданина (основ правового положения личности, как предписывают конституционные нормы). В международных правовых актах универсального или регионального характера не формулируется право на достоинство, хотя многие конституции современных государств данное право признают. Отсылка к достоинству во многих международных правовых актах не сопровождается раскрытием содержания этой правовой категории; не закрепляются и правомочия индивида как элементы права на достоинство. Ситуация стала меняться со второй половины XX века под несомненным влиянием международных правовых актов, доктрины конституционализма и прав че-

ловека. Развивая доктрину современного российского и европейского конституционализма, ряд ученых отстаивают в рамках доктринального конструктивизма конституционное право на достоинство личности, опираясь или на конкретные конституционные положения, или на их толкование органом конституционного правосудия. Из российских ученых следует отметить Н. С. Бондаря (Bondar, 2017), И. А. Кравца (Kravets, 2019a: 14), которые признают достоинство и как субъективное конституционное право, и как конституционную ценность, основанную на положениях ч. 1 ст. 21 Конституции РФ, В. В. Невинского, отстаивающего возвышение достоинства человека в качестве новой высшей и универсальной общественной ценности в системе ценностей XXI века (Nevinskii, 2013). Из зарубежных исследователей нужно отметить А. Барака (Barak, 2013), который разграничивает человеческое достоинство как конституционное право и как конституционную ценность, признавая их существование в юриспруденции Израиля; Р. Д. Глэнси (Glensy, 2011: 65) с видением различной роли человеческого достоинства в правовой системе США и признанием права на достоинство в системе юридических прав; немецкую конституционную доктрину и практику Федерального конституционного суда (Bendor, Sachs, 2011: 39–40), в которых и доктринально, и судебно-практически отстаивается существование конституционного права на достоинство.

Появились исследования в сфере сравнительного конституционного права (основанные на выборке отдельных случаев в разных странах, но не в систематизированном страноведческом плане), в которых подтверждается широта распространения в современных конституциях достоинства как субъективного права. В частности, в книге Эрин Дейли «Права на достоинство: суды, конституции и ценность человеческой личности» рассматривается связь права на достоинство с иными субъективными правами, которые формируют представление о существовании множественных прав на достоинство, вовлекая

в анализ конституционные нормы и тексты конституций различных государств и судебные акты (Daly, 2012: 1–2). Хотя автор и отмечает, что эта книга «не философское исследование значения человеческого достоинства» (Daly, 2012: 2), она исследует отдельные случаи использования, толкования и судебного применения права на достоинство по всему миру, существуют и критические замечания в адрес проведенной работы (Bódig, 2016). Отсюда возникает более значимая роль конституционного права, конституционализма и доктрины прав человека в перспективах теоретического обоснования и юридического оформления права на человеческое достоинство или права на достоинство личности. Это не мешает представителям научной конституционной юриспруденции выступать с методологической критикой признания конституционного права на достоинство, утверждая, во-первых, что такого права нет, во-вторых, что его признание или даже регламентация – совершенно бесполезное дело, оно вносит путаницу и приводит к смешению понятий «достоинство» и «автономия» (O'Mahony, 2012: 551–552). Юридические акты закрепляют различные элементы положения личности, образуя правовой статус человека и гражданина. Место человеческого достоинства в системе юридических актов предполагает оценку как статуса достоинства, так и статуса правовых актов, которые его закрепляют; иерархичность источников права в формальном смысле требует ясного осознания юридического статуса и юридической силы норм, которые формулируют нормативные положения о достоинстве личности, способах его защиты, охраны и обеспечения со стороны государства. Вместе с тем останавливаться на формально-юридическом подходе, в том числе ограниченном отраслевым видением, для целей понимания юридического значения достоинства личности явно недостаточно. Можно отметить эвристическую ценность и мультидисциплинарность человеческого достоинства. Существуют следующие подходы, влияющие на правовую концепцию личности

и юридические формы закрепления человеческого достоинства (в международном праве) или достоинства личности (в конституционном и ином внутрисудовом праве): 1) философско-правовой подход, соединяющий аналитическую философию с аналитической юриспруденцией; 2) философско-этический подход, отстаивающий моральную и гуманистическую ценность человеческого достоинства; 3) экзистенциальный подход, охватывающий философскую и юридическую экзистенцию (предельность смысла существования и признания достоинства); 4) теологический подход, основанный на христианской этике и проникающий в биоэтику; 5) подход юридического полиморфизма, устанавливающий взаимосвязь, значимость и приоритеты правовых форм регулирования и закрепления достоинства личности. Различные подходы раскрывают грани (исторические, этические, экзистенциальные, правовые) и перспективные горизонты человеческого достоинства, однако не решают проблему определенности концепта, так как единого концепта – постоянного во времени и в пространстве – нет.

Замечание, расширяющее познавательные круги достоинства с позиций права, было высказано Джереми Уолдроном в работе «Достоинство, ранг и права»: «Мы не должны предполагать, что правовой анализ достоинства – это просто список текстов и прецедентов в национальном и международном праве, в которых появляется слово «достоинство». Есть такая вещь, как философия права, есть такие вещи, как правовые принципы, и это будет юриспруденция достоинства, а не азбучный анализ («hornbook analysis») ...» (Waldron, 2012: 15). Нельзя отказывать достоинству в юридическом смысле, даже если правовой акт не определяет содержание данного термина (понятия). Не всегда легальное определение достоинства личности имеет развернутую в правовом акте формулу. Чаще всего такого легального определения нет в национальном законодательстве и в конституциях. Доктринальные определения достоинства могут опираться на разные традиции и иметь

различные значения и коннотации, которые накладываются друг на друга и иногда конфликтуют друг с другом. Юридические связи между достоинством и положением личности раскрываются через многие элементы конституционно-правового и иного отраслевого статуса человека и гражданина. Именно конституция и право в широком смысле (законодательство, судебные акты) обеспечивают личности в границах национальной (внутригосударственной) юрисдикции юридическое содержание и правовые (включая судебные) гарантии достоинства, порождают правовые отношения в сфере реализации, обеспечения достоинства во взаимосвязи с различными правами человека и гражданина.

Таким образом, правовая концепция личности взаимодействует с правовой концепцией человеческого достоинства, и формы их взаимодействия разнообразны. 1) Достоинство личности как правовая концепция выступает юридическим основанием для структуры и элементов правового положения человека и гражданина, а в случае закрепления категории «достоинство личности» в тексте конституции в качестве конституционно-правовой основы статуса личности. Положения ч. 1 ст. 21 Конституции РФ могут интерпретироваться (доктринально и в практике конституционного правосудия) именно в духе конституционной (или шире конституционно-правовой) основы положения человека и гражданина в РФ; как важнейший юридический фундамент построения общеправового статуса человека и гражданина и положения личности в различных отраслях права. 2) Достоинство личности не индифферентно к дееспособности лица. Правовая концепция личности оперирует категорией «дееспособность», которая раскрывает поведенческие и ментальные способности лица в правовой сфере; она концентрирует внимание юристов на способности физического лица своими действиями приобретать права, свободы, выполнять обязанности и нести ответственность. В этом случае дееспособность взаимосвязана с деликтоспособностью лица. Достоинством обладает лич-

ность и в случае ее полной дееспособности, и в случае ограниченной или утраченной дееспособности. Недееспособные лица обладают достоинством как элементом их правового положения и юридической основой для сохранения и реализации человеческих качеств, даже если самостоятельность реализации человеческих свойств, защиты интересов, их прав и свобод в значительной степени утрачивается. Достоинство дееспособного лица отличает человека от иных живых существ, отражает способность лица осуществлять выбор своего поведения и способность нести ответственность за совершаемые деяния. 3) Достоинство человека с точки зрения членства в политическом и конституционном сообществе не зависит от его гражданства; достоинством обладает человек, который может иметь различные отношения с государством: быть апатридом, гражданином, бипатридом или полипатридом, иностранцем на территории государства. Российская конституционная юриспруденция и конституционное правосудие толкуют положения ч. 1 ст. 21 Конституции с широких нормативных позиций: принадлежность достоинства личности означает и обязанность государства защищать и охранять достоинство различных субъектов конституционного права, где гражданство не играет ключевую роль в идентификации достоинства. В постановлении Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 № 21-П отмечено, что «лицам, не состоящим в гражданстве Российской Федерации, должна быть обеспечена на ее территории возможность реализации прав и свобод, гарантированных им Конституцией Российской Федерации, а также государственная, включая судебную, защита от дискриминации на основе уважения достоинства личности».¹ 4) Достоинство личности апеллирует к идее равноправия,

¹ По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Сотсалистической Республики Вьетнам Нгуен ЧХонг КХаиа: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 No. 21-П. In Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (31.05.2018).

производной от общих оснований принадлежности к человеческому роду. Соединяясь в области права, идея достоинства и идея равенства стимулируют генерирование нового парадигмального мышления в форме равного достоинства. Конституционное право и современный конституционализм развивают юридическую концепцию равного достоинства. По мнению исследователей, равное достоинство является концепцией с сильной доктринальной родословной; она не просто оглядывается назад на целенаправленную прошлую субординацию (подчиненность), но «скорее закладывает основу для продолжающегося конституционного диалога об основных правах и значении равенства» (Tibe, 2015: 17). Равное достоинство как конституционализированный принцип дополняет принцип равноправия; он может служить основанием для балансирования и поиска оптимального соотношения достоинства личности и реализации прав и свобод, исполнения обязанностей человека и гражданина, а также ограничения его прав и свобод.

Констатируя наличие различных форм взаимодействия человеческого достоинства и правовой концепции личности, следует обратить внимание на то, что право способно интегрировать различные подходы к использованию человеческого достоинства. Однако этого недостаточно. Необходимо смотреть на право и достоинство как на основания современного правопорядка и публичного управления в различных сферах жизнедеятельности человека. По мнению Стивена Райли, «человеческое достоинство требует, чтобы базовый статус каждого человека составлял окончательную основу наших обязательств, независимо от устоявшейся практики наших правовых и политических институтов» (Riley, 2018: XI). Современные правовые системы пока далеки от этого требования, они могут воспринимать его только как методологическую основу развития и отдаленный идеал, достижение которого невозможно ожидать в ближайшей перспективе правового развития.

**Конституционализм
человеческого достоинства:
природа, концепция в российском,
сравнительном и международном контексте
(обсуждение и исследование)**

На первый взгляд, как показывает мировой конституционный процесс на протяжении последней четверти XVII – первой половины XX века, конституционализм и человеческое достоинство не сопрягались общими правовыми принципами и конституционными положениями; хотя они не стояли на различных полюсах конституционного развития современных государств и наций, тем не менее существовало очень мало точек юридического соприкосновения между человеческим достоинством как неотъемлемым свойством человека, конституционными принципами организации государства и принципами взаимоотношений личности и государства. На протяжении более чем 200 лет при формировании принципов современного конституционализма билли о правах (декларации о правах и свободах) стали постепенно признаваться неотъемлемой частью объектов конституционного регулирования и структурной частью системы современного конституционализма. Вместе с тем ни в поколениях прав человека, ни в системе конституционных прав и свобод довольно долго человеческое достоинство не занимало сколько-нибудь значимого, тем более ведущего или основополагающего места. До появления Устава ООН в 1945 году и Всеобщей декларации прав человека в 1948 году термин «человеческое достоинство» встречался только в конституционных актах пяти государств. Заслуживают внимания примеры германского и ирландского подходов, которые стояли на различных полюсах конституционного значения достоинства. Так, Конституция Германской империи (Веймарская) 11 августа 1919 года в ст. 151 отмечала, что «строй хозяйственной жизни должен соответствовать началам справедливости и цели обеспечения для всех достойного человека существования». В этом положении прослеживалась

связь между устройством экономической жизни и принципом справедливости и целью обеспечения достойного человека существования для всех граждан. Достойное человека существование связывалось и с обеспечением свободы в экономической сфере. Таким образом, Веймарская конституция не вводила достоинство как атрибутивное свойство личности, регулируемое нормами конституции и конституционного права, на основе которого мог возникнуть статус достоинства как права и как принципа защиты. Второй пример – Конституция Ирландии от 29 декабря 1937 года, преамбула которой провозглашала среди целей и обеспечение достоинства: «с тем чтобы были обеспечены достоинства и свободы человека, достигнут подлинный социальный порядок, восстановлено единство нашей страны и достигнуто согласие с другими народами». Конституционная цель обеспечения достоинства наряду со свободой человека – более близкий вариант к выработанным после Второй мировой войны моделям конституционного закрепления достоинства личности в сравнительном конституционном праве. В 2012 году уже 162 страны использовали термин «достоинство» в своих конституциях, что составляло 84 % суверенных государств, которые являлись членами ООН (Shulztiner, Carmi, 2014: 461). В начале XXI века различные терминологические концепты человеческого достоинства стали распространенным конституционным явлением, а сам термин «человеческое достоинство» приобрел конституционный статус и стал юридическим основанием для правового полиморфизма достоинства и множественности юридических форм закрепления и способов защиты в современных правовых системах на внутригосударственном, наднациональном и международном уровнях. Методологической основой современных концепций человеческого достоинства является признание сложного и полиморфического характера достоинства, с одной стороны; с другой – центральной роли «для современной архитектуры прав человека» (Mahlmann, 2012: 371), причем на национальном, наднаци-

ональном и международном уровнях развития правового регулирования прав человека. Современный конституционализм включает набор принципов и правил, направленных на ограничение политического господства и государственного правления, на создание эффективных государственно-правовых институтов, содействующих демократическому участию, на проведение в жизнь организационных и юридических средств защиты основных прав и свобод личности, на обеспечение независимости правосудия и повышение эффективности конституционно-процессуальной защиты прав и свобод личности, объединений граждан – юридических лиц. Современный конституционализм функционирует в условиях интеграционных процессов и процесса глобализации, которые служат как источником диалога различных правовых культур, так и появлением различных правовых форм конституционной защиты от подобных процессов: в частности, одну из функций защитной конституционной модернизации выполняет и концепция конституционной идентичности, конституционной самобытности, конституционной исключительности. Самостоятельная ценность конституционализма иногда оспаривается. По мнению британских исследователей, конституционализм обычно связывается исследователями публичного права с другими конституционными ценностями и принципами, такими как господство права или разделение властей. Заслуживает обсуждения тезис о том, что «конституционализм должен быть либо отличен от этих концепций, либо, если этого не произойдет, может быть безопасно исключен из публично-правового дискурса» (Murkens, 2009: 427).

Конституционализм в современных государствах включает конституционную регламентацию и формы судебной защиты (особенно в органах конституционного контроля и конституционной юстиции) основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, в ряде случаев прав юридических лиц как объединений граждан. Длительное время конституционализм как

концепция оставался «юридически безучастным» к человеческому достоинству, мог сосуществовать с институтом рабства (как в США в конце XVIII – первой половине XIX века); при осмыслении этапов развития и поколений прав человека, отраженных в конституциях государств нового и новейшего времени, достоинство личности не занимало институционального положения в структуре действующих конституций и правового положения личности. Конституционная наука не инкорпорировала сам институт человеческого достоинства в концепции билля о правах (различные модели конституционного регулирования прав и свобод) на протяжении конституционного развития от первых конституционных актов XVII–XVIII веков до первой половины XX века. Современный сравнительный, отечественный, наднациональный конституционализм по праву рассматривает человеческое достоинство в качестве «юридического сердца» правового положения личности и как фундаментальную основу и главное право в системе не только конституционных, но и наднациональных, и международных прав и свобод человека и гражданина. Идея достоинства личности как «конституционного ядра» требует новых размышлений и оценки эффективности государственных и юридических средств защиты в отношении прав и свобод. Это «конституционное ядро», которое несет в себе достоинство личности, меняет многие представления о правовых формах закрепления и юридических средствах защиты, государственном механизме обеспечения различных прав и свобод; оно служит основой для нового концепта. В статье, посвященной 25-летию Конституции РФ и 70-летию Всеобщей декларации прав человека, был предложен концепт «конституционализм человеческого достоинства» в качестве теоретико-методологического осмысления этого ключевого свойства человеческой природы в контексте современной конституционной и международной юриспруденции (Kravets, 2019b: 93–94). Конституционализм и публичное право после Второй мировой вой-

ны приобрели гуманитарную и юридическую сердцевину благодаря человеческому достоинству; как отмечает Самуэль Мойн (Samuel Moyn), именно конституционализм, основанный на человеческом достоинстве («concept of dignitarian constitutionalism»), «восстановил публичное право в наше время» (Moyn, 2014: 40). Юридические формы человеческого достоинства, основанные на конституционном и шире – публичном праве, не только продвигают более глубокое понимание значимости прав человека и гражданина, правовых средств их защиты, показывая взаимосвязь и взаимозависимость достоинства и правового статуса личности, но и создают условия для вектора справедливости в правовой системе, ориентированной на высокие стандарты защиты прав и свобод личности в различных сферах правового регулирования. По словам Джона Ролза, «справедливость – это первая добродетель общественных (публичных) институтов, как и истина – для систем мышления» (Rawls, 1999: 3). «Будучи первыми добродетелями человеческой деятельности, – утверждает философ, – истина и справедливость бескомпромиссны» (Rawls, 1999: 4). Существование правовых форм признания, обеспечения и защиты достоинства содействует продвижению социальной справедливости, хотя многое зависит от того, насколько далеко статусная концепция человеческого достоинства разводит различия индивидов в обладании правами и их гарантировании, насколько реальным становится обеспечение равного достоинства в обществах с иерархическими системами социальной стратификации.

В исследованиях природы и места достоинства личности в системе современных прав и свобод (как на международном, так и на национальном уровне) существует дилемма о предназначении человеческого достоинства. В рамках *первого направления* одни исследователи отмечают, что «человеческое достоинство является главной философской основой прав человека, как это выражено в Уставе Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека и многих других докумен-

тах» (Nowak, 2011: 25). *Второе направление* исследований представлено авторами, которые считают, что достоинство играет конституирующую роль в современных правовых системах, признающих права и свободы личности в качестве конституционно значимых ценностей. В этом смысле достоинство – человекоцентричный ориентир для права и правовой системы. Человеческое измерение права, «чело­векоцентричное» правопонимание, признание за достоинством роли высшей и универсальной общественной ценности (В. В. Невинский, В. М. Шифиров) позволяют видеть и признавать метаюридические корни достоинства личности (Н. С. Бондарь, И. А. Кравец), развивать и совершенствовать правопорядок с центральным положением человека и его достоинства в правовой системе страны, в наднациональных правовых системах (Kravets, 2019c: 120). *Третье направление* включает исследователей, рассматривающих достоинство в контексте анализа характера человеческих действий. Использование «человеческих действий» в качестве индикатора того, какие аспекты должна представлять хорошая правовая система, является яркой отправной точкой, как отмечает Винфрид Бруггер. По его мнению, это особенно верно в отношении сложных случаев в праве, которые, несмотря на то, что они обычно оспариваются, приводят к принятию юридически обязательных решений. Они обременены «антропологическим крестом принятия решений» (Brugger, 2008: 1243). Концепция человека глубоко укоренилась в процессе принятия решений, она отражает место человеческого достоинства и прав человека и связана с человеческим потенциалом отражать, выбирать и оправдывать то, что человек делает. Это потенциал для каждого человека. При обычных обстоятельствах и в результате социализации и инкультурации он будет присутствовать у каждого взрослого с различной степенью соответствия социально-уникальному и творческому подходу. Поэтому достоинство – атрибут личности, которая способна принимать самостоятельные решения, совершать выбор, неся «ан-

тропологический крест» и ответственность за свои решения. «Если мы понимаем место человеческого достоинства в четырех точках пересечения решений, – пишет Винфрид Бруггер, – мы можем обеспечить связь между достоинством как доминирующей социальной и правовой ценностью и основополагающими правовыми концепциями личности, индивидуальности, ответственности и атрибуции» (Brugger, 2008: 1250–1251). Достоинство как атрибутивное свойство личности предполагает как свободу действий, так и ответственность за принятые решения. Свобода действий не предполагает причинно-следственной неопределенности действий; скорее это предполагает различные влияния на наше поведение изнутри (четыре точки зрения) и извне (социализация, взаимодействие, инкультурация). Что касается правопорядка, то он предполагает право каждого человека «вести жизнь», иметь некоторую свободу действий, гибкость или выбор в рамках своей «квадричности» чувств и перспектив. *Четвертое направление* признает множественность функций человеческого достоинства в современной юриспруденции. Исследователи из юридического факультета Еврейского университета в Иерусалиме рассматривают три ведущие функции человеческого достоинства: 1) символически-декларативное использование; 2) в качестве руководящего принципа по осуществлению (реализации) прав; 3) как руководящий принцип в вопросах ограничения основных прав и свобод (Shulztiner, Carmi, 2014: 461–464). В то время как одни авторы считают концепты «человеческое достоинство» и «права человека» сиамскими близнецами (Goodhart, 2014: 846), другие выступают за их разделение. Поэтому *пятое направление* полагает, что права человека и человеческое достоинство должны быть разделены как «сиамские близнецы» в связи с тем, что они являются «неудобными компаньонами» («uncomfortable bedfellows») по трем причинам. 1) Существует парадокс обоснования: понятие человеческого достоинства не решает проблемы обоснования прав человека, а скорее усугубляет ее в свет-

ских обществах. 2) Это кантианский тупик («Kantian cul-de-sac»), если права человека были основаны на концепции достоинства Канта, а не теологическом основании, такие права теряют свою универсальную значимость. 3) Возникает опасность «по ассоциации»: человеческое достоинство в настоящее время более спорный концепт, чем понятие прав человека, особенно учитывая нерешенное противоречие между желательным достоинством и неприкосновенным достоинством (Schroeder, 2012: 323–324). Шестое направление выдвигает на первый план достоинство как субъективное право. Судья и ученый А. Барак в своей книге «Судья в демократии» («The Judge in a Democracy») писал: «Самое главное из прав человека – это право на достоинство. Это источник, из которого вытекают все остальные права человека. Достоинство объединяет другие права человека в единое целое» (Barak, 2008: 85). В более поздней работе, посвященной человеческому достоинству как конституционной ценности и как конституционному праву, А. Барак отстаивает самостоятельную ценность и значение человеческого достоинства в конституционной юриспруденции и конституционной аргументации. Ученый показывает взаимосвязь и раздельное значение достоинства как конституционной ценности и как конституционное право: последнее более узкое конституционно-правовое явление, чем конституционная ценность, которая имеет несколько ролей в современной конституционной юриспруденции и конституционном толковании. Он утверждает, что достоинство касается *трех ролей* в качестве конституционной ценности: 1) достоинство служит нормативной основой для других конституционных прав; 2) достоинство служит толковательным принципом для других конституционных прав (это своеобразный руководящий принцип); 3) достоинство играет роль в анализе соразмерности при рассмотрении вопроса об ограничении тех прав, которые являются конституционными. В книге утверждается, что основа достоинства как конституционной ценности напрямую связана с достоинством че-

ловека, поскольку основана на человечности (Barak, 2015: 103–104).

Достоинство как понятие следует отличать от концепций достоинства. Конституционное правопонимание достоинства соединяется с различными способами использования термина «достоинство» в конституционной юриспруденции. Конституционное правопонимание достоинства личности в российской юриспруденции формируется на основе инкорпорирования философских, экзистенциальных, этических и биосоциальных аспектов в «юридическую ткань» концепта; известный гражданско-правовой смысл достоинства человека обогащается конституционно-правовым содержанием, которое основано, с одной стороны, на тесной связи достоинства с правовой концепцией личности, с другой – на социально-политической и конституционно-правовой коммуникации достоинства с демократическим и социальным гражданством, которое обеспечивает включенность категории «достоинство» в процесс реализации различных прав и свобод, исполнения обязанностей не только граждан страны, но и иных субъектов конституционного права.

В российской конституционной юриспруденции формируется доктрина конституционализма человеческого достоинства, которая стремится охватить различные правовые грани использования концепта «достоинство личности», закрепленное в положениях ч. 1 ст. 21 Конституции РФ. Что включает в себя доктрина «конституционализм человеческого достоинства» в условиях российской юриспруденции, которая учитывает международно-правовые регуляторы и практику отечественного конституционного правосудия?

Во-первых, *принцип уважения человеческого достоинства*. В тексте Конституции РФ 1993 года данный принцип непосредственно не формулируется, он выводится из конституционных норм и имеет статус конституционно-интерпретационного принципа как руководящего для норм отраслевого законодательства, практики их

применения, в том числе и в ходе оценки отраслевых норм на соответствие действующей Конституции РФ. Конституционализация принципа уважения человеческого достоинства основана на интерпретации ч. 1 ст. 21 Конституции РФ («Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления»). Слова «ничто не может быть» указывают на признание высокого статуса достоинства, отсутствие какого-либо основания для «умаления» достоинства предполагает имплицитное существование уважения человеческого достоинства. Именно из презумпции существования уважения человеческого достоинства вытекает конституционный запрет для появления каких-либо оснований для умаления достоинства. Российское законодательство может уточнять содержание и фиксацию принципа уважения человеческого достоинства в отраслевых правовых актах, опираясь на конституционно-интерпретационную основу данного принципа. Во-вторых, *принцип конституционной охраны достоинства личности*, который юридически закреплен в первом предложении ч. 1 ст. 21 Конституции РФ. Охрану достоинства личности Конституция РФ возлагает на государство. Это публично-правовое обязательство Российского государства в отношении неопределенного круга субъектов – обладателей достоинством. Конституционная охрана достоинства увязывается Конституционным Судом РФ с утверждением приоритета личности и ее прав во всех сферах; Суд рассматривает ее «как необходимую предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека, условие их признания и соблюдения».² Это неоднократно выраженная правовая позиция Конституционного Суда РФ указывает на взаимосвязь принципа конституционной охраны достоинства личности как обязательства Российского государства и форм

гарантированной реализации «неотчуждаемых прав и свобод человека», которыми в контексте конституционной юриспруденции являются основные и генетически связанные с ними отраслевые права и свободы, а также обязанности человека и гражданина в Российской Федерации. В-третьих, *принцип конституционно-правовой, конституционно-процессуальной и российской отраслевой (процессуальной) защиты достоинства личности*. Данный принцип имеет конституционную основу, интерпретационные положения в правовых позициях Конституционного Суда РФ; он выступает как конституционно-процессуальное средство защиты достоинства личности в контексте как ч. 1 ст. 21, так и ч. 4 ст. 125 Конституции РФ и ст. 96 ФКЗ о КС о праве граждан и их объединений на обращение с жалобой в Конституционный Суд РФ. Федеральному органу конституционного правосудия в России следует учитывать приоритет принципа конституционно-правовой и конституционно-процессуальной защиты достоинства личности как обладающего более высоким правовым статусом закрепления и более высоким конституционно-интерпретационным положением. Соотношение принципа конституционно-правовой и конституционно-процессуальной защиты достоинства личности с иными отраслевыми и процессуальными средствами защиты определяется в доктрине, в процессуальном законодательстве, в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Представляется важным, чтобы Конституционный Суд РФ поддерживал авторитет и высокий статус принципа конституционно-правовой и конституционно-процессуальной защиты достоинства личности и не отказывал заявителям в возможности его использования простой ссылкой на наличие иных средств процессуальной (отраслевой) защиты достоинства личности и взаимосвязанных с ним прав, свобод, законных интересов. Можно ли считать, что положения ст. 152 ГК РФ (в том числе содержащиеся в п. 1, 3 и 9 данной статьи), устанавливающие гражданско-правовые способы защиты чести, достоинства и деловой репутации, определяют

² По делу о проверке конституционности стат'и 46 Federal'nogo zakona «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» v sviazi s zhaloboi grazhdanki I. V. Sereginoi: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14.11.2018 No. 41-P. In Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (16.11.2018).

порядок реализации конституционного права на защиту чести и доброго имени (ст. 23, ч. 1 Конституции РФ), а также направлены на осуществление конституционной обязанности государства охранять достоинство личности (ст. 21, ч. 1)?³ Очевидно, что Конституционный Суд РФ не разграничил конституционный статус принципа охраны достоинства личности государством и гражданско-правовые способы защиты чести, достоинства и деловой репутации с позиций конституционно-правового и конституционно-процессуального решения. Принцип конституционной охраны достоинства личности связан с принципом конституционно-процессуальной защиты достоинства, хотя и требует самостоятельного обоснования. Отказывая в праве на использование принципа конституционно-процессуальной защиты достоинства личности, Конституционный Суд умаляет и принцип конституционной охраны достоинства личности, который не может играть только роль отсылочной нормы к иным процессуальным (отраслевым) способам защиты достоинства. Важно не только выявлять конституционный смысл отраслевого законодательства в процессе оценки конституционности оспоренных норм, но и создавать конституционное понятие и конституционное содержание таких принципов, как принцип конституционной охраны достоинства личности и принцип конституционно-правовой и конституционно-процессуальной защиты достоинства. В-четвертых, *принцип равно-го достоинства как конституционализированный принцип основ правового статуса личности*, предусмотренных главой 2 Конституции РФ (ст. 64). С опорой на правовые позиции Конституционного Суда РФ, судебную и доктринальную конституциона-

лизацию достоинства личности, возможно расширение юридического поля действия принципа равного достоинства. Данный принцип может играть роль «конституционного зонтика» для правового статуса личности в Российской Федерации, роль судебно-интерпретационного и руководящего начала для оценки конституционности как правовых актов отрасли конституционного законодательства, так и актов иных отраслей права, которыми затрагиваются вопросы достоинства во взаимосвязи с конституционными и иными отраслевыми правами, свободами, обязанностями. Конституционной сердцевиной принципа равного достоинства выступает равноправие и обладание достоинством каждым человеком. В-пятых, *субъективное конституционное право на достоинство*, которое может иметь статус конституционализированного основного права человека и гражданина в Российской Федерации, непосредственно не предусмотренного Конституцией РФ, но имплицитно присутствующего и выводимого из положений о том, что «достоинство личности охраняется государством». Данное конституционное право может защищаться в процедуре конституционного судопроизводства. Конституционной опорой данного права служит презумпция о том, что государство охраняет не только само достоинство, но и право на него как субъективное право человека и гражданина.

Заключение

После вступления в силу Конституции РФ 1993 года можно говорить о начале формирования и постепенном появлении комплексного (и сложного) конституционно-правового института достоинства личности. Этот институт – *конституционно-правовая новация* в структуре основ правового статуса человека и гражданина в РФ. Как конституционно-правовая категория достоинство личности обладает качеством целостности благодаря тому, что выступает в качестве гуманистического основания единства прав, свобод и обязанностей человека и гражданина.

³ Ob otkaze v priniatii k rassmotreniiu zhaloby grazhdanina Chabaka Ivana Ivanovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav riadom polozhenii Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniiaakh i Polozheniia o Federal'noi migratsionnoi sluzhbe: Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 25.10.2018 No. 2591-O. In SPS «Konsul'tant Plius». Dokument opublikovan ne byl.

Список литературы / References

- Barak, A. (2008). *The Judge in a Democracy*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 368 p.
- Barak, A. (2013). Human Dignity: The Constitutional Value and the Constitutional Right. In McCruden Ch. (ed.). *Understanding Human Dignity*. Oxford, 361–380.
- Barak, A. (2015). *Human Dignity: The Constitutional Value and the Constitutional Right*. Cambridge University Press, xxxviii, 360 p.
- Bendor, A.L., Sachs, M. (2011). The Constitutional Status of Human Dignity in Germany and Israel. In *Israel Law Review*, 25–61.
- Bódig, M. (2016). Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person by Erin Daly. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011. In *Journal of Human Rights*, 15 (1), 150–155.
- Bondar, N.S. (2017). Konstitutsionnaya kategoriya dostoinstva lichnosti v tsennostnom izmerenii: teoriya i sudebnaya praktika [The constitutional category of human dignity in the value dimension: theory and judicial practice]. In *Constitutional and Municipal Law*, (4), 19–31.
- Brugger, W. (2008). Dignity, Rights, and Legal Philosophy within the Anthropological Cross of Decision-Making. In *German Law Journal*, 9 (10), 1243–1267.
- Cicero M. Tullius. *De Inventione*. Published by E. Stroebel. Available at: <http://data.perseus.org/citations/urn:cts:latinLit:phi0474.phi036.perseus-lat1:2.166> (accessed 1 February 2020).
- Daly, E. (2012). *Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 248 p.
- Fukuyama, F. (2012). The drive for dignity. In *Foreign Policy*, 12 January. Available at: <http://foreignpolicy.com/2012/01/12/the-drive-for-dignity/> (accessed 1 February 2020).
- Glensy, R.D. (2011). The Right to Dignity. In *Columbia Human Rights Law Review*, 43 (1), 65–142.
- Goodhart, M. (2014). Recent Works on Dignity and Human Rights: A Road Not Taken. In *Perspectives on Politics*, 12 (4), 846–856. doi:10.1017/S1537592714002175
- Hartogh, G. den. (2014). 'Is Human Dignity the Ground of Human Rights?' In Düwell, M., Braarvig, J., Brownsword, R., & Mieth, D. (Eds.) *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives*. Cambridge, 200–207.
- Kolnai, A. (1976). Dignity. In *Philosophy*, 51 (197), 251–271.
- Kravets, I.A. (2019a). Dostoinstvo lichnosti v teorii i praktike sudebnogo konstitutsionalizma [Human dignity in the theory and practice of judicial constitutionalism]. In *Journal of Constitutional Justice*, (1), 11–20.
- Kravets, I.A. (2019b). The Constitution of the Russian Federation, Human Rights and Human Dignity: Dialogue of Constitutional Theory, Practice of Constitutional Justice and International Norms. In *Juridical Science and Practice*, 15 (2), 93–104. DOI 10.25205/2542–0410–2019–15–2–93–104
- Kravets, I.A. (2019c). Dostoinstvo lichnosti: dialog teorii, konstitutsionnykh norm, mezhdunarodnykh regulyatorov i sotsial'noi real'nosti [Human dignity: dialogue of theory, constitutional norms, international regulators and social reality]. In *Journal of Russian Law*, (1), 112–128. DOI 10.12737/art_2019_1_8
- Lee, M.Y.K. (2008). Universal Human Dignity: Some Reflections in the Asian Context. In *Asian Journal of Comparative Law*, 3 (1), Article 10, 1–33. DOI: 10.2202/1932–0205.1076
- Lustig, A. (2017). The Image of God and Human Dignity: A Complex Conversation. In *Christian Bioethics*, 23 (3), 317–334. DOI: 10.1093/cb/cbx014
- Mahlmann, M. (2012). Human Dignity and Autonomy in Modern Constitutional Orders. In Rosenfeld, M. & Sajó, A. (eds.) *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*. Oxford: Oxford University Press, 371–396. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199578610.013.0020
- Moyn, S. (2014). The Secret History of Constitutional Dignity. In *Yale Human Rights and Development Law Journal*, 17 (1), 39–73.
- Murkens, J.E.K. (2009). The Quest for Constitutionalism in UK Public Law Discourse. In *Oxford Journal of Legal Studies*, 29 (3), 427–455.

Nevinskii, V.V. (2013). Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii i dostoinstvo lichnosti (vospominanie o budushchem) [The Constitution of the Russian Federation and human dignity (remembering the future)]. In *Constitutional and Municipal Law*, (11), 48–54.

Nowak, M. (2011). Foreword. In P. Kaufmann et al. (eds.) *Humiliation, Degradation, Dehumanization: Human Dignity Violated*, Library of Ethics and Applied Philosophy 24, Springer, 265 p.

O'Mahony, C. (2012). There Is no Such Thing as a Right to Dignity. In *International Journal of Constitutional Law*, 10 (2), 551–574. DOI: 10.1093/icon/mos010.

Piko dela Mirandola, Dzh. (1962). *Rech' o dostoinstve cheloveka*. In *Istoriia estetiki. Pamiatniki mirovoi estetcheskoj mysli*. V. 5 t. T. 1. Otv. red. M. F. Ovsyannikov [Speech on the dignity of man. In History of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought. In 5 vol. Vol. 1. Resp. ed. M. F. Ovsyannikov]. M.: Izd-vo Akademii khudozhestv SSSR [Publishing House of the Academy of Arts of the USSR], 506–514.

Rawls, J.A. (1999). *Theory of Justice: Revised Edition*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 538 p.

Riley, S. (2018). *Human Dignity and Law*. London: Routledge, 216 p. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781315268163>

Schachter, O. (1983). Human Dignity as a Normative Concept. In *American Journal of International Law*, 77 (4), 848–854.

Schroeder, D. (2012). Human Rights and Human Dignity: An Appeal to Separate the Conjoined Twins. In *Ethical Theory and Moral Practice*, 15 (3), 323–335. DOI 10.1007/s 10677–011–9326–3

Shulztiner, D., Carmi, G.E. (2014). Human Dignity in National Constitutions: Functions, Promises and Dangers. In *American Journal of Comparative Law*, 62 (2), 461–490.

Tribe, L.H. (2015). Equal Dignity: Speaking Its Name. In *Harvard Law Review Forum*, 129, 16–32.

Waldron, J. (2012). *Dignity, Rank, and Rights* (Tanner Lectures at the University of California, Berkeley, 2009). New York: Oxford University Press, 176 p.